

A close-up portrait of a young woman with dark, wavy hair, wearing a black leather motorcycle jacket and a necklace with a circular pendant. She is looking directly at the camera with a neutral expression. Her hands are visible at the bottom, holding a pen and writing in a notebook. The background is a dimly lit room with bookshelves filled with books and a window with a view of trees.

Сергей Патрушев

**Копейка рубль
бережёт**

Сергей Патрушев
Копейка рубль бережёт

«Автор»

2026

Патрушев С.

Копейка рубль бережёт / С. Патрушев — «Автор», 2026

В центре повествования — Влада, двадцатисемилетняя девушка, погрязшая в рутине фриланса и вечной нехватке денег. Ее жизнь меняется в одночасье, когда после смерти бабушки она узнает о существовании таинственного наследства и о загадочном родственнике Верещагине, претендующем на него. В поисках правды Влада находит бабушкин дневник, который открывает ей мир, полный мистики, древних тайн и опасностей. Ее преследует загадочная женщина в черном — Раиса Темная, а случайная встреча с Алексеем перерастает в нечто большее, чем просто знакомство. Алексей оказывается не тем, кем кажется — он пришел из параллельной реальности, где был охотником на тварей и погиб, защищая ту, что была удивительно похожа на Владу. Роман переплетает реальности, сны и явь, заставляя героиню пройти через испытания, чтобы понять: ключ ко всем тайнам находится не в золоте и не в прошлом, а в ней самой. Это история о любви, преодолевающей границы миров, о силе рода.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Копейка рубль бережёт

Солнце уже спряталось за серые спины многоэтажек, окрасив небо в грязно-розовый цвет заката, когда Влада в сотый раз за день провела пальцем по экрану телефона, обновляя страницу с заказами. Она сидела на низком подоконнике в своей съёмной однушке на окраине, поджав под себя ноги в разношенных носках. В комнате пахло усталостью и дешевым кофе, который остывал в кружке уже час. Двадцать семь лет, а ощущение, что жизнь уже прошла половину и самую скучную ее часть. Диплом журналиста пылился на полке, гордые мечты о расследованиях и текстах, меняющих мир, разбились о суровую реальность рынка фриланса. Теперь ее миром были тексты для сайтов, описание характеристик пылесосов и радостные статьи о пользе утренней зарядки. Заказчик из Петербурга сегодня молчал, а значит, обещанная тысяча рублей могла прийти и завтра, а могла и не прийти вовсе.

Влада отложила телефон и посмотрела на потолок, где с прошлого лета темнело пятно от протечки. Хозяйка обещала заделать, но, как и сама Влада, все откладывала на завтра. "Копейка рубль бережет", – вдруг всплыла в голове дурацкая поговорка, которую вечно твердила бабушка. Бабушка, царствие ей небесное, умела копить. Откладывала с каждой пенсии, с каждой полочки, заворачивала мятые купюры в газету и прятала в старый жестяной чайник. После ее похорон Влада нашла этот чайник в кладовке. Денег там было немного, тысяч пять, но сам ритуал, эта бережливость, казались сейчас чем-то невероятно далеким, из другой вселенной, где люди планируют завтрашний день, а не гадают, доживет ли до зарплаты их старенький ноутбук.

Размышления прервал сигнал домофона. Влада вздрогнула. Она никого не ждала. Могла бы и не открывать, но палец сам нажал на кнопку. Из динамика донесся искаженный, каркающий голос, представившийся сотрудником банка. Сердце ухнуло вниз. Кредит. Она брала год назад небольшой потребительский на новый ноутбук, без которого работа встала бы колом. Платила исправно, но с опозданиями, и сейчас сумма долга висела над ней дамокловым мечом. Страх перед коллекторами был сильнее страха перед ночными маньяками. Влада нажала на кнопку, открывая дверь подъезда, и прилипла к глазку.

По лестнице поднимался не бритый мужик в камуфляже, как она себе навоображала, а полный мужчина лет пятидесяти в мокром от пота бежевом плаще. Он тяжело дышал, держась за перила. На площадке третьего этажа он остановился, вытер лицо большим клетчатым платком и позвонил в ее дверь. Влада открыла, оставив цепочку натянутой. Незнакомец представился, заверил, что он не коллектор, и попросил воды. Влада, все еще находясь в ступоре, сняла цепочку и впустила незваного гостя в прихожую. Он прошел на кухню, тяжело опустился на табурет и с жадностью выпил целый стакан воды из-под крана, который она ему подала.

Отдышавшись, он заговорил о деле, и его слова заставили Владу замереть. Оказалось, что его визит связан с ее бабушкой, Ниной Матвеевной, которая умерла год назад. Незнакомец выразил соболезнования и пояснил, что бабушка была давней вкладчицей их банка еще с девяностых годов. У нее имелось несколько счетов, в том числе металлических, и сберкнижка на предъявителя, которая долгое время считалась утерянной. Однако полгода назад объявился некий гражданин, подавший заявление о наследстве, и теперь эти счета готовы к активации. Влада слушала и не могла поверить: в ее голове никак не укладывалась мысль о том, что у бабушки, жившей скромно и прятанной мятые купюры в чайник, могли быть какие-то счета

и сбережения. Реальность вокруг словно потеряла четкость, смешивая усталость от сегодняшнего дня, запах остывшего кофе и невероятную новость, пришедшую из прошлого.

Солнце уже спряталось за серые спины многоэтажек, окрасив небо в грязно-розовый цвет заката, когда Влада в сотый раз за день провела пальцем по экрану телефона, обновляя страницу с заказами. Она сидела на низком подоконнике в своей съемной однушке на окраине, поджав под себя ноги в разношенных носках. В комнате пахло усталостью и дешевым кофе, который остывал в кружке уже час. Двадцать семь лет, а ощущение, что жизнь уже прошла половину и самую скучную ее часть. Диплом журналиста пылился на полке, гордые мечты о расследованиях и текстах, меняющих мир, разбились о суровую реальность рынка фриланса. Теперь ее миром были тексты для сайтов, описание характеристик пылесосов и радостные статьи о пользе утренней зарядки. Заказчик из Петербурга сегодня молчал, а значит, обещанная тысяча рублей могла прийти и завтра, а могла и не прийти вовсе.

Влада отложила телефон и посмотрела на потолок, где с прошлого лета темнело пятно от протечки. Хозяйка обещала заделать, но, как и сама Влада, все откладывала на завтра. Вспомнилась дурацкая поговорка, которую вечно твердила бабушка, о том, что копейка рубль бережет. Бабушка, царствие ей небесное, умела копить. Откладывала с каждой пенсии, с каждой полочки, заворачивала мятые купюры в газету и прятала в старый жестяной чайник. После ее похорон Влада нашла этот чайник в кладовке. Денег там было немного, тысяч пять, но сам ритуал, эта бережливость, казались сейчас чем-то невероятно далеким, из другой вселенной, где люди планируют завтрашний день, а не гадают, доживет ли до зарплаты их старенький ноутбук.

Размышления прервал сигнал домофона. Влада вздрогнула. Она никого не ждала. Могла бы и не открывать, но палец сам нажал на кнопку. Из динамика донесся искаженный, каркающий голос, представившийся сотрудником банка. Сердце ухнуло вниз. Кредит. Она брала год назад небольшой потребительский на новый ноутбук, без которого работа встала бы колом. Платила исправно, но с опозданиями, и сейчас сумма долга висела над ней дамокловым мечом. Страх перед коллекторами был сильнее страха перед ночными маньяками. Влада нажала на кнопку, открывая дверь подъезда, и прилипла к глазку.

По лестнице поднимался не бритый мужик в камуфляже, как она себе навоображала, а полный мужчина лет пятидесяти в мокром от пота бежевом плаще. Он тяжело дышал, держась за перила. На площадке третьего этажа он остановился, вытер лицо большим клетчатым платком и позвонил в ее дверь. Влада открыла, оставив цепочку натянутой. Незнакомец представился, заверил, что он не коллектор, и попросил воды. Влада, все еще находясь в ступоре, сняла цепочку и впустила незваного гостя в прихожую. Он прошел на кухню, тяжело опустился на табурет и с жадностью выпил целый стакан воды из-под крана, который она ему подала.

Отдышавшись, он заговорил о деле, и его слова заставили Владу замереть. Оказалось, что его визит связан с ее бабушкой, Ниной Матвеевной, которая умерла год назад. Незнакомец выразил соболезнования и пояснил, что бабушка была давней вкладчицей их банка еще с девяностых годов. У нее имелось несколько счетов, в том числе металлических, и сберкнижка на предъявителя, которая долгое время считалась утерянной. Мысли в голове Влады путались, натываясь друг на друга. Бабушкины счета, металлические вклады, сберкнижка на предъявителя – эти слова казались вырванными из какой-то чужой, богатой и сложной жизни, которую вел кто-то другой, а не сухонькая старушка в выцветшем ситцевом халате, всю жизнь проработавшая лаборанткой в заводской лаборатории. Влада помнила ее руки – вечно прохладные,

с выступающими венами и коричневыми пигментными пятнами, пахнувшие хозяйственным мылом и землей из ящиков на балконе, где бабушка каждую весну выращивала рассаду петуний. Эти руки разворачивали над тарелкой шуршащий целлофановый пакет с пышками, купленными по дороге из поликлиники, и они же осторожно, почти благоговейно, сворачивали в трубочку мятые сторублевки, прежде чем спрятать их в чайник. Неужели за этой нарочитой, подчеркнутой нищетой, за штопаными колготками и вечным дошиванием остатков еды скрывалась тайна? Неужели бабушка играла какую-то роль, копила не только рубли на похороны, но и что-то большее?

Посетитель, представившийся Касаткиным, тем временем справился с жаждой и теперь устало смотрел на нее, ожидая реакции. Влада стояла, прислонившись плечом к дверному косяку кухни, и чувствовала, как под тонкой тканью футболки вибрирует часто бьющееся сердце. Маленькая кухня, залитая электрическим светом, казалась еще теснее от присутствия этого крупного, тяжело дышащего мужчины. На столе, покрытом старой клеенкой в мелкий цветочек, сиротливо стояла ее остывшая кружка с кофе, рядом лежала раскрытая пачка дешевого печенья. Касаткин мельком глянул на этот скудный ужин, и в его взгляде Владе почудилась быстрая, профессиональная оценка – он словно сканировал уровень ее дохода.

Он рассказал, что бабушка открыла первый счет в самом начале девяностых, когда банк только зарождался, и положила туда очень приличную по тем временам сумму – видимо, какие-то отложенные сбережения или, возможно, деньги от продажи бабушкиного родительского дома в деревне, о которой Влада знала лишь понаслышке. Потом, в течение многих лет, счет пополнялся, но мелкими, почти незаметными суммами, которые приходили то ли как проценты, то ли как результат какой-то давней, забытой инвестиционной программы. К деньгам этим бабушка, судя по всему, не прикасалась никогда, позволяя им лежать мертвым грузом, обрастая невидимой капитализацией. А полгода назад объявился гражданин, который предъявил права на наследство. Некто Верещагин, по документам – дальний родственник, чуть ли не троюродный племянник бабушки. Он принес какие-то старые письма, доверенности, сумел доказать родство. У Влады пересохло во рту. Какой еще Верещагин? Она никогда о таком не слышала. Бабушкина родня всегда ограничивалась для нее самой бабушкой да покойными родителями, о которых та вспоминала редко и неохотно. Выходит, была и другая ветвь, о которой Нина Матвеевна предпочла умолчать? И этот человек, этот призрачный Верещагин, уже полгода как ведет свою игру, пока Влада здесь бьется за каждую тысячу, за каждый заказ.

Загвоздка, однако, заключалась в том, что сберкнижка на предъявителя, которую Верещагин предъявил как основание, была когда-то утеряна и восстановлена бабушкой лет десять назад. Восстановленная книжка имела другой номер, а старый, по которому пришел Верещагин, считался недействительным. Юристы банка запутались в старых документах и пыльных архивах, и пока не могли разобраться, кто прав, а кто виноват. Но имелся один важный нюанс. Деньги любили тишину и законных наследников. Верещагин же оказался личностью мутной, уже успевшей засветиться в паре сомнительных историй. Банк не хотел отдавать такие средства человеку с безупречной репутацией, особенно когда существовал более прямой наследник – внучка, плоть от плоти.

Касаткин объяснил, что у Влады есть право подать заявление о вступлении в наследство, равно как и у Верещагина. Кто первый успеет и кто лучше докажет родство – того и деньги. Банк в этом споре оставался лишь наблюдателем. Но тянуть с документами не следовало: сроки имели значение. Нужно было готовить свидетельство о смерти бабушки, свой паспорт, документы, подтверждающие родство. Он поднялся, заскрипев старой табуреткой, и направился

в прихожую. Пиджак его безнадежно измялся, на спине темнели влажные разводы. Уже взявшись за ручку двери, он обернулся, и лицо его, освещенное тусклой лампочкой в прихожей, стало серьезным, даже суровым. Он предупредил, что Верещагин – человек неглупый и настойчивый, и если он узнает, что у бабушки есть прямая наследница, которая может перебежать ему дорогу, реакция может последовать самая непредсказуемая. В его голосе прозвучала неприкрытая тревога, когда он добавил, что Верещагин уже интересовался, есть ли у Нины Матвеевны другие родственники, особенно молодые, и проявлял к Владе нездоровое внимание. Касаткин рекомендовал ей быть осторожной, не светить свои планы, не рассказывать никому лишнего. В этой истории, по его словам, замешаны слишком большие деньги, чтобы кто-то вроде Верещагина просто так отступил.

Дверь за ним захлопнулась, щелкнул замок, и в прихожей сразу стало тихо и пусто. Влада еще долго стояла, прислонившись лбом к холодной филенке, пытаясь переварить услышанное. Тишина в квартире звенела. Только холодильник на кухне согласно гудел, да где-то за стеной монотонно капала вода из крана у соседей. Влада медленно вернулась на кухню, села на тот же табурет, где только что сидел Касаткин, и уставилась на остывший кофе. Кружка стояла на столе, такая же одинокая и неподвижная, как и она сама. За окном уже совсем стемнело, и в черном стекле отражалась маленькая кухня, тусклая лампочка под потрескавшимся плафоном и ее собственная худая фигура в старой футболке. Мысли ворочались тяжело и медленно. Бабушка, оказывается, хранила тайну. И тайна эта была не в жестяном чайнике с мятыми пятерками, а где-то там, в виртуальном пространстве банковских архивов, в цифрах на счетах, о которых никто не знал. И теперь эта тайна, как джинн из бутылки, вырвалась наружу и впустила в ее унылую, размеренную жизнь страх, надежду и тень неведомого Верещагина.

Ночь опустилась на город плотным, тяжелым одеялом, но сон не шел. Влада так и сидела на кухне, обхватив ладонями остывшую кружку, и взгляд ее был устремлен в одну точку на стене, где когда-то висели бабушкины часы с кукушкой. Часы она сняла после похорон – слишком громко и печально они тикали в пустой квартире, напоминая о том, чего уже не вернуть. Теперь на их месте остался лишь бледный прямоугольник обоев, не тронутый временем, и этот прямоугольник казался Владе символом всего того, что она не знала о самом близком человеке. Пустота, за которой скрывалась тайна.

Она попыталась вспомнить бабушку в последние годы их редких встреч. Влада редко приезжала в старую квартиру на окраине, где прошло ее детство, – вечная нехватка времени, вечная усталость, вечные отговорки. Да и бабушка сама не навязывалась, звонила по праздникам, коротко спрашивалась о здоровье и никогда не жаловалась. Жила тихо, незаметно, словно боялась потревожить занятую внучку своим существованием. В памяти всплывали отдельные картинки: бабушка, склонившаяся над швейной машинкой «Чайка», штопающая Владиного школьный сарафан; бабушка, читающая ей на ночь сказки хрипловатым голосом; бабушка, собирающая в огороде смородину, и ее ладони, выпачканные темно-бордовым соком. И ни разу, ни единого намека на то, что за этой простой, почти аскетичной жизнью скрывается нечто иное. Никогда она не говорила о деньгах, о вкладах, о каких-то родственниках. Жила одной пенсией, радовалась Владиным редким гостинцам – коробке зефира или пачке хорошего чая. Зачем, спрашивается, было копить? Для кого? Для нее, для Влады? Тогда почему не рассказала, не оставила никаких распоряжений, никакой записки?

Влада резко поднялась, расплескав кофе, и прошла в маленькую комнату, служившую ей спальней и кабинетом одновременно. Здесь, в старом платяном шкафу, на антресолях, все еще хранились бабушкины вещи – несколько выцветших платьев, вязаная шаль, старая обувная

коробка с фотографиями. Влада не трогала их до сих пор – все не доходили руки разобрать, да и рука не поднималась выбросить последнюю память. Она встала на табурет, с трудом дотянулась до пыльной коробки и стащила ее вниз. Села прямо на пол, скрестив ноги, и открыла крышку.

Пахнуло старой бумагой, пылью и еще чем-то неуловимо знакомым, бабушкиным – может, тем самым хозяйственным мылом, которым пахли ее руки. Сверху лежали фотографии. Черно-белые, с зубчатыми краями, пожелтевшие от времени. Влада бережно перебирала их, вглядываясь в лица. Вот бабушка молодая, с длинной косой, в ситцевом платье, стоит рядом с каким-то мужчиной в военной форме – наверное, ее отец, Влади́н прадед, о котором она знала только по имени. Вот свадебное фото – бабушка в белом платье, дедушка в строгом костюме, оба серьезные, даже суровые, как и полагалось на фотографиях тех лет. Вот маленькая мама, смешная, с огромным бантом, сидит на трехногом стульчике. Влада вглядывалась в эти лица, пытаясь разгадать за ними что-то важное, найти ключ к бабушкиной тайне, но фотографии молчали, храня свои секреты.

Под фотографиями лежали документы. Старые паспорта, трудовая книжка с пожелтевшими страницами, какие-то справки, военный билет деда, погибшего задолго до Владаного рождения. И в самом низу, под ворохом бумаг, она наткнулась на тонкую, истрепанную тетрадь в коленкоровом переплете. Влада осторожно открыла ее. Тетрадь была исписана бабушкиным почерком – мелким, аккуратным, с наклоном вправо. Это был дневник. Самый настоящий дневник, который бабушка вела долгие годы.

Сердце Влады забилось часто-часто. Она никогда не знала, что бабушка вела дневник. Никогда не видела эту тетрадь, никогда не слышала ни слова. Осторожно, боясь повредить ветхие страницы, она начала читать. Первые записи датировались началом девяностых. Бабушка писала о том, как трудно жить, как дорожают продукты, как пусто на прилавках и как страшно за будущее. Потом пошли записи о работе, о каких-то соседях, о погоде. Но среди обыденных строк то и дело мелькало одно и то же имя – Верещагин. Сначала Влада подумала, что ей показалось. Но имя повторялось снова и снова.

«Сегодня приходил Верещагин, – писала бабушка в записи от 1993 года. – Опять просил денег. Говорит, что дело верное, что все вернется сторицей. Я отказала. Не верю я ему, ох не верю. Глаза у него нехорошие, бегают. И откуда он только взялся на мою голову, этот племянник троюродный? Родня, называется. Мать его, Клавдия, была женщина тихая, неприметная, а сынок вон какой вымахал – проходимец чистой воды».

Влада перевернула страницу. Запись следующего года:

«Верещагин опять объявился. Говорит, что нашел инвесторов, что открывает свое дело, просит поручиться. Я наотрез отказалась. Он рассердился, наговорил грубостей, ушел, хлопнув дверью. Сказал, что я еще пожалею. Страшно мне стало после его ухода. Долго не могла уснуть, все думала, чего от него ждать. Хорошо, что Владочка маленькая, не понимает ничего. Запереться бы от всех и сидеть тихо, как мышь».

Дальше записи становились все тревожнее. Верещагин появлялся в дневнике регулярно, и каждый раз его визиты оставляли в бабушкиной душе глубокий след. Он то угрожал, то задабривал, то являлся с какими-то мутными людьми, то пропадал на годы, чтобы потом объявиться вновь. Бабушка писала, что он узнал о ее вкладах, о тех деньгах, что остались от про-

даже родительского дома, и теперь не отстанет, будет кружить, как коршун, выжидая своего часа.

«Знаю я его породу, – писала бабушка в середине двухтысячных. – Не отстанет, пока не получит свое. А получит – еще мало покажется. Ненасытный он, как бездонная бочка. И ведь не успокоится, пока все не выгребет. Хорошо, что Влада выросла, уже взрослая, самостоятельная. Он про нее не знает, я никогда не говорила. И не узнает. Пусть живет спокойно, подальше от этой мрази».

Влада сидела на полу, и слезы текли по ее щекам. Бабушка, оказывается, все эти годы защищала ее. Прячала от этого человека, от этой угрозы, от этой тени, которая теперь, после ее смерти, материализовалась и пришла за своим. Она пожертвовала всем – спокойствием, безопасностью, возможно, даже деньгами, – лишь бы оградить внучку от опасности. А Влада ничего не знала. Жила своей мелкой, суетливой жизнью, думая, что бабушка просто тихая старушка на пенсии, и не подозревая, какая драма разворачивалась за стенами ее тихой квартиры.

Она перелистывала страницы дальше, ища глазами знакомые имена, даты, факты. И нашла. В записи, датированной прошлым годом, за несколько месяцев до бабушкиной смерти, было написано всего несколько строк, но они заставили Владу похолодеть:

«Сегодня звонил Верещагин. Сказал, что знает про Владу. Что навел справки, узнал, где она живет, чем занимается. Сказал, что если я не соглашусь на его условия, он до нее доберется. Я испугалась, очень испугалась. Не за себя – за нее. Что делать – не знаю. Надо сходить в банк, оформить все на нее, пока не поздно. Чтобы он не мог ничего отобрать. Только бы успеть. Только бы сил хватило».

Дальше шли пустые страницы. Бабушка больше ничего не написала. Видимо, не успела. Или не захотела. Или помешали. Влада захлопнула тетрадь и откинулась спиной на шкаф. В голове гудело, мысли путались, сердце колотилось где-то в горле. Значит, Верещагин знал о ней. Знал задолго до того, как пришел в банк. Знал и ждал. Ждал, пока бабушка умрет, чтобы предъявить свои права. А теперь, когда она мертва, а Влада жива и является прямой наследницей, он не остановится. Он пойдет до конца. И предупреждение Касаткина обретало теперь совсем иной, зловещий смысл.

Влада поднялась с пола, ноги затекли и не слушались. Она подошла к окну и отодвинула штору. На улице было темно, только редкие фонари разгоняли тьму желтоватыми кругами света. В этом свете ей почудилась чья-то тень, притаившаяся у подъезда соседнего дома. Или показалось? Она всмотрелась пристальнее – никого. Пустая улица, редкие машины, тишина. Но чувство тревоги, холодное и липкое, уже поселилось внутри и не отпускало.

Она вернулась в комнату, сложила фотографии и документы обратно в коробку, но дневник оставила рядом с собой, на тумбочке. Пусть будет под рукой. Завтра она пойдет в банк. Завтра начнет действовать. А сегодня... сегодня нужно просто дожить до утра. И постараться не сойти с ума от мыслей, от страха, от этой чудовищной правды, которая открылась ей в пыльной старой тетради.

Она легла на диван, не раздеваясь, накрылась пледом и долго смотрела в потолок, где в темноте угадывалось то самое пятно от протечки. Оно казалось ей теперь не просто следом от безответственной хозяйки, а символом чего-то большего – бреши в ее жизни, через кото-

рую просачивается прошлое, настоящее и будущее, перемешиваясь в липкую, тяжелую массу. Заснула она только под утро, когда за окном уже начало сереть, и спала тревожно, без снов, проваливаясь в черную пустоту.

Проснулась Влада от яркого солнечного света, пробивающегося сквозь тонкие занавески. Солнце, такое редкое гость в ее промозглой квартире, сегодня заливало комнату целиком, играло зайчиками на пыльном полу, золотило корешки книг на полке. Влада приподнялась на локте, ощутив противную тяжесть в голове и сухость во рту. Ночь прошла как один миг, полный тревожных, рваных сновидений, в которых мелькало лицо бабушки, чьи-то чужие руки, тянущиеся к ней, и странный мужчина в бежевом плаще, превращающийся в огромную черную птицу.

Она села на диване, свесив ноги. Взгляд упал на дневник, лежащий на тумбочке. Вчерашняя реальность обрушилась на нее с новой силой. Значит, это не сон. Все правда. Верещагин существует, он знает о ней, он охотится за бабушкиным наследством, и, судя по дневнику, на нем лежит тень куда более темная, чем просто жадность. Что-то было в его визитах, в угрозах, в этой многолетней осаде, что заставляло бабушку бояться. Бояться не за себя – за нее, за Владу.

Нужно было действовать. Влада заставила себя подняться, наскоро умыться ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна, и натянуть единственные приличные джинсы и чистую рубашку. Волосы она кое-как собрала в небрежный пучок на затылке, подвела глаза – получилось плохо, тени только подчеркнули синяки под глазами. Но было не до красоты.

Выходя из подъезда, она невольно огляделась по сторонам, вспомнив вчерашнюю тень у фонаря. Двор был пуст: бабушки на лавочках еще не вышли, детская площадка безмолствовала, только рыжий кот грелся на солнце возле мусорных баков. Влада перевела дух и быстрым шагом направилась к остановке. Банк, куда ей нужно было попасть, находился в центре, в старом здании с колоннами, построенном еще в позапрошлом веке. Туда вела целая вереница маршруток, автобусов и троллейбусов, но Влада, подумав, решила, что в душном салоне у нее будет больше времени все обдумать и собраться с мыслями.

В маршрутке было людно и жарко. Кондиционер не работал, пластиковые сиденья противно липли к голым ногам, и терпкий запах бензина смешивался с ароматами чужих духов и пота. Влада пристроилась у окна, безучастно глядя на проплывающие мимо улицы, витрины магазинов, спешащих куда-то людей. Ее мысли крутились вокруг одного: что она скажет в банке? Как докажет свое право на наследство? И главное – что ей делать, если Верещагин появится раньше?

На одной из остановок в салон вошел высокий мужчина в светлом льняном костюме. В руке он держал кожаную папку, темные волосы были слегка влажными после утреннего душа, а на лице застыло выражение сосредоточенной озабоченности. Он оглядел переполненный салон и, не найдя свободного места, остановился рядом с Владой, ухватившись за поручень. Маршрутку тряхнуло на очередной кочке, и он, потеряв равновесие, едва не упал, задев плечом Владу.

– Простите, ради бога, – его голос оказался низким и приятным, с едва уловимой хрипотцой.

Влада подняла глаза и встретила с ним взглядом. У него были неожиданно светлые, почти прозрачные глаза – серые, с голубоватыми крапинками, и смотрели они внимательно, но без навязчивости, словно изучая, но не оценивая. На миг ей показалось, что в этом взгляде мелькнуло что-то знакомое, какая-то тень узнавания, но тут же исчезла, сменившись вежливым равнодушием. Влада смущенно кивнула и отвернулась к окну, но краем глаза все еще видела его профиль: четкую линию челюсти, легкую небритость, родинку на скуле.

Он вышел через две остановки, и Влада поймала себя на том, что провожает его взглядом. Высокая, ладная фигура в светлом костюме легко лавировала в толпе на тротуаре, и через минуту скрылась за углом. Влада тряхнула головой, прогоняя непрощенные мысли. С ума сойти, о чем она думает? У нее сейчас такие проблемы, что не до случайных красавчиков из маршрутки.

Здание банка встретило ее прохладой кондиционеров, строгими рядами кресел для посетителей и характерным запахом свежесваренного кофе из кофемашины. Очередь была небольшой, и вскоре Влада уже сидела напротив молодой женщины-операциониста с гладко зачесанными назад волосами и безупречным макияжем. Женщина, представившаяся Еленой Сергеевной, вежливо улыбалась, но в глазах ее читалась привычная усталость от однообразной работы.

Влада объяснила цель своего визита, стараясь говорить четко и уверенно, хотя внутри все дрожало. Елена Сергеевна слушала внимательно, изредка кивая, и что-то быстро печатала на клавиатуре. Ее лицо постепенно менялось: профессиональная вежливость уступала место живому интересу, а затем и чему-то похожему на тревогу.

– Владлена Андреевна, – сказала она наконец, отрываясь от монитора. – Ситуация действительно непростая. Я вижу в системе запрос от нотариуса по заявлению гражданина Верещагина. Документы им поданы, идет проверка. Но также я вижу, что у вашей бабушки были открыты счета, о которых в этом заявлении не упоминается. Металлические счета, Владлена Андреевна. Золото. Приличный объем, накопленный за много лет. Это отдельная история, требующая отдельного оформления.

Влада слушала и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Золото. Бабушка копила золото. Не только рубли в жестяном чайнике, а самое настоящее золото, которое лежало где-то там, в виртуальных банковских ячейках, и ждало своего часа.

– Что мне нужно делать? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Вам нужно срочно обратиться к нотариусу, – Елена Сергеевна протянула ей листок с адресом и фамилией. – Вот этот специалист ведет наследственные дела нашего отделения. Он подскажет, какие документы собрать. И еще... – она замялась, понизила голос, – будьте осторожны. Гражданин Верещагин уже дважды приходил лично. Интересовался, не появлялась ли еще какая-нибудь родственница. Очень настойчивый молодой человек. Я бы сказала, неприятный.

Влада поблагодарила, с трудом сдерживая дрожь, и вышла из банка на раскаленную улицу. Солнце палило нещадно, асфальт плавился под ногами, но ей было холодно. Верещагин приходил лично. Он охотится. Он знает, что она может появиться, и ждет.

Она шла по улице, не разбирая дороги, и чуть не столкнулась с кем-то на углу. Сильные руки подхватили ее, не давая упасть.

– Осторожнее, – знакомый голос с хрипотцой прозвучал над ухом. Влада подняла глаза и снова встретилась с теми самыми серыми глазами с голубыми крапинками. Мужчина из маршрутки. Он смотрел на нее с вежливым беспокойством, и в его взгляде опять мелькнуло то неуловимое выражение, будто он пытается вспомнить, где видел ее раньше.

– Извините, – пробормотала Влада, высвобождаясь из его рук. – Я задумалась.

– Это опасно в центре города, – он улыбнулся, и улыбка у него оказалась открытая, теплая, неожиданно располагающая. – Машины, толпа, можно и под колеса угодить.

– Да, спасибо, – Влада попыталась улыбнуться в ответ, но улыбка вышла натянутой, жалкой. Она чувствовала, что выглядит растерянной и испуганной, и это было ужасно неловко.

Он, кажется, заметил ее состояние. Внимательно всмотрелся в лицо, и участливость в его глазах сменилась чем-то более глубоким, личным.

– С вами все в порядке? – спросил он тихо. – Выглядите так, будто случилось что-то серьезное.

Влада покачала головой. Не рассказывать же первому встречному о Верещагине, о наследстве, о золоте, о страхе, который гложет изнутри.

– Все нормально. Правда. Еще раз спасибо.

Она сделала шаг в сторону, собираясь уйти, но он вдруг коснулся ее локтя – легкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки.

– Подождите, – сказал он. – Я понимаю, что это звучит дико, но... вы не хотите выпить кофе? Через дорогу есть отличное место. Вы выглядите так, будто вам нужно присесть и перевести дух. Без всяких обязательств, просто кофе. Честное слово.

Влада замерла. Предложение было совершенно нелепым, неуместным, даже подозрительным в ее нынешнем положении. Она не знала этого человека, он мог оказаться кем угодно, даже, страшно подумать, связанным с Верещагиным. Но что-то в его глазах, в его голосе, в том, как он смотрел на нее – без тени навязчивости или пошлости, с искренним, почти дружеским участием, – останавливало ее, не давало просто развернуться и уйти.

Она посмотрела на дорогу, по которой несся поток машин, на раскаленный асфальт, на толпу спешащих людей, и вдруг с удивительной ясностью поняла, что сейчас ей больше всего на свете хочется просто посидеть в тихом прохладном месте с чашкой кофе в руках, чтобы кто-то рядом был – просто был, не задавал вопросов, не угрожал, не требовал. Абсолютно чужой человек, у которого нет к ней никакого дела, который не знает о ней ничего и которому она ничего не должна.

– Хорошо, – выдохнула она, удивляясь собственным словам. – Давайте выпьем кофе.

Он улыбнулся шире, и от этой улыбки на душе у Влады потеплело, будто маленький лучик света пробился сквозь густые тучи, затянувшие горизонт.

Кафе через дорогу оказалось маленьким и уютным, спрятанным от городского шума в арке старинного дома. Внутри пахло свежемолотым кофе, ванилью и еще чем-то неуловимо домашним – может быть, яблочными пирогами, которые золотились за стеклянной витриной. Стены были выкрашены в глубокий синий цвет, на них висели черно-белые фотографии старого города, и тихо играл джаз, приглушенный и ненавязчивый. Влада опустилась на мягкий диван у окна и только сейчас поняла, как сильно устала – не столько физически, сколько душевно, словно тащила на себе непомерно тяжелый груз, о существовании которого даже не подозревала еще сутки назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.